

Иероним Иеронимович Ясинский

И. А. Гончаров

Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) — русский писатель, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист.

Содержание

И. А. Гончаров Из книги "Роман моей жизни"	0004
Примечания	0016

И. А. Гончаров
Из книги "Роман моей жизни"

С Гончаровым я познакомился... в 1882 году. Он прочитал в "Отечественных записках" мою повесть "Всходы" и сказал Евгению Утину, у которого иногда бывал, как у сотрудника и "родственника" "Вестника Европы" (издатель "Вестника Европы" Стасюлевич был женат на его сестре), что желал бы повидаться со мной, Утин приехал за мною и повез меня на Моховую, где в одном из домов, во дворе, уже много лет кряду проживал знаменитый писатель.

Это было весной. Я был болен, собирался на юг, картины и мебель сбыл за бесценок, вещи были упакованы, я уже простился с друзьями и с удовольствием поехал в погожий, ясный день к Гончарову.

Горничная отворила дверь, впустила в невзрачную переднюю и пошла доложить обо мне и Утине.

Быстро вышел к нам нехуденький, невысокий, лет семидесяти, не очень седой человек

в серой паре и приветливо протянул руки.

— Пожалуйте, пожалуйста, сюда, в кабинет!

В кабинете он занял кресло за письменным столом, поджав под себя ногу. Мы сели по другую сторону стола. Глаз мой охватил как-то сразу все подробности обстановки Гончарова. В ней было много несомненно обломовского: тот же диван стоял у стены, уже изрядно усиженный, картина косовато висела над ним. Положительно те же туфли-шлепанцы высывались из-под дивана. На стене, за Гончаровым, блестели под стеклами литографии с изображением героинь его романов. Поодаль, на старинном ломберном столе красного дерева, стояли в золоченых бронзовых рамках портреты августейших особ. Там же красовались столовые часы, поднесенные "Вестником Европы" Гончарову в день его сорокалетнего¹ литературного юбилея.

Проследив за моим взглядом, Гончаров сказал:

— Портреты эти с личными надписями: "Дорогому Ивану Александровичу" и т. д. Они народ любезный и вежливый, и я берегу. А это портрет моей любимой собачки, ныне —

увы — уже скончавшейся, писанный Николаем Ивановичем Крамским². А это довольно-таки неудачные литографии. Я должен вам сказать, впрочем, что писателя не может удовлетворить ни одна иллюстрация к его произведениям, в особенности если художник тоже натуралист. Я не узнаю ни Марфиньку, ни Веру. Каждый художник по-своему понимает и представляет другим художником созданные образы³. Так вот, значит, молодое поколение появилось наконец нам на смену, — перешел он на меня и, вызвав мое смущение, сказал: — Я давно не читал ничего такого яркого и прямо скажу...

Я оборву тут на секунду рассказ, не стану повторять того, что похвального сказал по моему адресу Гончаров. К тому же мнение его обо мне было высказано им письменно и обращении к одной даме, напечатанном в "Ежемесячных сочинениях"⁴. Я тогда принял его слова за комплимент. Начинающие беллетристы в то время были скромного мнения о себе; по крайней мере я не придавал большого значения своим опытам. Гончаров, однако, в письме, вскоре ставшем известным мне,

утвердил меня в некоторой вере в свои силы.

— А недавно, я слышал, молодежь какой-то адрес собиралась послать Тургеневу. По какому поводу? Болен он, что ли? — вдруг спросил Гончаров.

— Нет, адреса никакого не собираются посылать Тургеневу, сколько мне известно, — отвечал Утин. — Неправда ли? — обратился он ко мне. — А что Тургенев болен, так это факт, и печальный.

— Печальный, согласен... Но он такой мнительный, чуть что, бывало, он сейчас за докторами. А на самом деле сколочен на диво — топором. Не то, что я. Одно время, надо заметить, мы были друзьями. Я его высоко ценил, он ведь европейски образованный человек. Таким образом, я прочитал ему, как критику и знатоку искусства, главу из "Обрыва". Я ведь медленно пишу, десятками лет. Прочитал — глядь, уж у него напечатаны "Накануне", и "Дворянское гнездо", и "Рудин", и целиком взяты женские типы у меня. Тогда я порвал с Тургеневым. Он прыткий, за ним не угоишься... Нет, молодой человек, — сказал мне Гончаров, — никогда не делитесь образа-

ми, идеями, замыслами даже с лучшими вашими друзьями, если они писатели, не читайте им готовых, но еще не напечатанных книг — оберут как липку! Всем делитесь, чем хотите, но не духовными сокровищами, пока не доставайте из-под спуда, не хвастайте ими с глазу на глаз, берегите для всех!..

Я, кажется, возразил что-то в защиту Тургенева. Утин толкнул меня ногой под столом. Гончаров оживился и стал сравнивать разные места из своих сочинений и сочинений Тургенева. Сходства было мало.

— Между прочим, я узнал, что Тургенев, разобиженный за то, что я укорял его в плагиате, ставит мне в вину мое цензорство. Но ведь и Майков — цензор и Полонский — цензор.

— В иностранной цензуре служат, — пояснил мне Утин.

— Ну да, в иностранной — в цензуре! Не все ли равно?! — вскричал Гончаров. — Правда, что они ничего не делают, а я день и ночь работал. Правда, что я служил в общей цензуре. И знаете, чем я стяжал себе реноме сурового цензора? Борьбою с глупостью. Умных ав-

торов я пропускал без спора, но дуракам при мне дорога в литературу была закрыта. Я опускал шлагбаум и — проваливай назад. Да, я сам против цензуры, я не сторонник произвола, я — литератор *pur sang*[1]. Но надо беречь литературу от вторжения глупости. Ни один редактор не пропустит в журнал глупую повесть или статью. А почему же литература должна быть в этом отношении свободна?

— А где же набрать Гончаровых? Много ли их? — спросил я.

Глаза Утина, похожие на две черные крупные вишни, засмеялись.

Гончаров вскочил с места.

— Это уж другой вопрос, господа. Это уж *ad hominem*[2], а не принципиально!

Беседа была прервана средних лет человеком, низко поклонившимся Гончарову еще у дверей.

— Имею честь наименоваться — художник Наумов.

— Пожалуйста, что вам угодно?

— Вы изволили быть современником незабвенного Виссариона Григорьевича Белинского и, наверно, бывать у него, а я хочу изоб-

разить тот момент его жизни, когда он, больной чахоткой, лежит у себя и жандарм спрашивается об его здоровье⁵. Так мне нужно было бы знать приблизительно, какая была обстановка в его кабинете? Где стоял стол, книжный шкаф, диван?

Гончаров в нескольких словах удовлетворил его, пояснив, что у Белинского он бывал довольно редко, хотя игрывал с ним в преферанс. Белинский жил тогда на Лиговке, во дворе.

Художник все время стоял, занес кое-что в записную свою книжку и откланялся, а Гончаров переменял разговор и стал советовать мне не сходить с того "своеобразного" художественного отношения к действительности, которое я проявил во "Всходах".

— Ваш "Бунт Ивана Ивановича"⁶, который вы напечатали в "Вестнике Европы" в прошлом году, мне меньше понравился.

— Вы все читаете, Иван Александрович?

— Все, все решительно, ни одно литературное явление не проходит для меня незамеченным. Сам почти не пишу, а слежу за молодой литературой в оба.

С старосветской вежливостью Гончаров прошелся с нами до дверей и пожелал мне поправиться от моего кашля.

— А докторам, с одной стороны, верьте, а с другой — не верьте: они сплошь и рядом ошибаются. Еще увидимся.

Он был прав. Я выздоровел на юге и увиделся с Гончаровым десять лет спустя в приемной журнала "Нива"⁷. Старик потерял уже один глаз и страшно осунулся, но узнал меня и разговорился.

— Литература падает, — начал он, сидя со мной на диванчике, — потому что в унижении. И отчего она так унижена, не понимаю. Уж на что время Николая Павловича было тяжелое, а этой приниженности как будто не было. Был гнет, а унижения не было. В то время бывали низкие писатели, вроде Булгарина, и даже раздавленные, но не было униженных.

Вышел Маркс, седой, сутуловатый, высокий, поздоровался с нами и обратился к Гончарову на ломаном языке:

— Ну, дорогой Иван Александрович, мне очень и, наконец, очень приятно сказать

вам, что рассказы ваши мы принимаем, и я Буль ошень и, наконец, ошень удивлялся, когда я встречал не совсем по-русски выражение, которые я указывал моему редактору, чтоб исправлял.

— Возможно, возможно, Адольф Федорович, — покорливо сказал Гончаров, — что я не совсем хорошо знаю русский язык, и благодарю вас. Стар стал и кое-что, должно быть, забываю.

— Ну, ничего, — одобрил Маркс Гончарова. — Хорошо иметь одна ум, но двое умов лютше, чем одна.

Он снисходительно пожал руку великому человеку и попросил его пройти в контору и получить деньги. Горячая краска залила мне лицо. Вот оно, засилие мещанства! Вот унижение литературы! Я наговорил дерзостей Марксу, перешел на ты, впал в дурной тон, обругал его неграмотной немчурой (незадолго перед тем Маркс посетил меня, не застал меня и оставил записку: "Буль у вас, Сам Маркс"). Я надолго порвал с "Нивою". Редактор Ключников выскочил за мной на лестницу и благодарил за урок, данный мною изда-

телю.

Вскоре Гончаров умер. Отпевали его в Казанском соборе⁸, похоронили в Александро-Невской лавре. За гробом шло мало литераторов...

* * *

В другой раз — случилось это уже в следующем году — Утин пригласил, по моей просьбе, Гончарова на чашку чая.

— Никого не будет, кроме вас, Бибикова, конечно, меня; а Кони и Андреевского я приглашу для оживления. Ведь вы помните, какое чудо Гончаров, когда начнет говорить. А как удивительно просто и живописно рассказывает он о своих встречах и путешествиях! Как сохранился старик, какой живой ум!

В назначенный час, предвкушая великое наслаждение, приехали мы с Бибиковым, и, с царственной точностью, пожаловал Гончаров. Ему было с лишком за семьдесят лет, он двигался, смотрел и говорил, как молодой человек, бодро и возбужденно.

Уселись за круглый стол, и Гончаров, которого все считали консерватором, да он и был таким в общественной жизни, стал вспоми-

нать с увлечением пятидесятые и шестидесятые годы.

Но тут появились Кони и Андреевский, тоже талантливые знаменитости, привыкшие хорошо говорить и в особенности сосредоточивать на себе внимание. Кони немедленно прервал Гончарова и стал подавать шестидесятые годы в своем освещении, а адвокат Андреевский любезно и грациозно оспаривал его и выдвигал свою точку зрения. Гончаров вежливо подождал, не спорил и, оставя в стороне шестидесятые годы, перешел к характеристике Салтыкова как писателя и заговорил о русском юморе, который бывает...

— Или тихим, безобидным смехом... — подхватил Андреевский.

— Или тонной и бичующей сатирой, поднимающейся до высот сардонического хохота, — любезно прервал Андреевского Кони.

Кони долго говорил, уже не прерываемый, и говорил превосходно, остроумно и литературно; но хотелось слушать не его. Когда он кончил, Гончаров взглянул на часы, ни слова не сказал больше о Салтыкове и о русском юморе и начал было о грядущих судьбах рус-

ского художественного слова; но и тут у знаменитых юристов нашлось свое авторитетное мнение об этом предмете, и они поспешно высказали его с подобающей логикой и убедительностью.

Гончаров мало-помалу увял, простился церемонно с хозяином и с нами и, как ни упрашивал Утин, не остался ужинать и уехал к себе на Моховую.

— Чудак старик! — сказал вслед ему Андреевский, ероша на затылке свои прекрасные черные волосы и не замечая взгляда ненависти, устремленного на него Бибиковым.

Примечания

И. И. Ясинский

ИЗ КНИГИ "РОМАН МОЕЙ ЖИЗНИ"

ЯСИНСКИЙ Иероним Иеронимович (1850–1931) — писатель и журналист; с 70-х годов — сотрудник многих демократических и либеральных изданий.

Впервые — "Исторический вестник", 1898, N 2, стр. 568–571. Вошло с дополнениями в книгу: И. И. Ясинский, Роман моей жизни. Книга воспоминаний, ГИЗ, М.-Л. 1926, стр. 143–146, 182–183. Печатается по последнему изданию.

1 Стр. 213. Не сорокалетнего, а пятидесятилетнего литературного юбилея (см. примеч. 1 на стр. 294).

2 Стр. 213. Карандашный рисунок собаки Гончарова Мимишки был сделан Иваном Николаевичем Крамским в 1873 году, во время работы над портретом Гончарова, и был подарен ее хозяину. В настоящее время этот рисунок находится в собрании Б. А. Резвцова (Москва), сына воспитанницы Гончарова А. К. Трейгут.

3 Стр. 213. В кабинете Гончарова висели две иллюстрации художника К. А. Трутовского к роману "Обрыв", выполненные им в 1869 году, а в 1870 году подаренные автору романа.

4 Стр. 213. В 1901–1903 годах И. И. Ясинский издавал в Петербурге литературно-художественный журнал "Ежемесячные сочинения". В № 11 за 1901 год им был опубликован отзыв И. А. Гончарова о рассказе начинающей писательницы, по-видимому Э. А. Центконской, датированный 11 апреля 1882 года, в котором Гончаров, между прочим, одобрительно отзывался о повести Максима Белинского (псевдоним И. И. Ясинского) "Всходы. Картины провинциальной жизни", опубликованной в № 3 "Отечественных записок" за 1882 год. "Из молодых начинающих писателей, — писал Гончаров, — можно, впрочем, указать на одного с явными признаками недюжинного таланта и значительного умения писать, — это на [3] и на его повесть, напечатанную в мартовской книжке "Отечественных записок" ("Ежемесячные сочинения", 1901, № 11, стр. 187).

5 Стр. 215. Картина А. А. Наумова "Белинский перед смертью", изображающая Некра-

сова и Панаева у постели больного Белинского, была написана в 1884 году. Подлинник находится в мемориальном музее-квартире Н. А. Некрасова (Ленинград).

6 Стр. 215 Повесть Максима Белинского (И. И. Ясинского) "Бунт Ивана Ивановича" была опубликована в NN 2 и 3 "Вестника Европы" за 1882 год.

7 Стр. 215. Последняя встреча Ясинского с Гончаровым в редакции "Нивы" могла произойти или в конце 1887, или в начале 1888 года, когда печатались гончаровские очерки "Слуги".

8 Стр. 216. Сведение это не соответствует действительности.

Примечания

Чистокровный (франц.).

[^^^]

К личности (лат.).

[^^^]

М. Белинского

[^^^]

